Валентин Емелин. "Безумная (LA LOCA)"

Автор: Новые стихи
23.05.2019 12:02

Поэма в трёх частях с прологом и эпилогом

Валентин ЕМЕЛИН

БЕЗУМНАЯ

(LA LOCA)

Пролог

(перевод со старофранцузского)

Алхимия! Среди других наук
блистаешь ты алмазной диадемой.
Я все твои ступени превзошёл,
и выделил субстанцию пророчеств
из дистиллята хлебного вина
и масла купоросного, в реторте
их нагревая, пневму[1] получил
со свойствами дыхания Пифона[2].
Затем Сивиллы[3] выделил слезу –
и, многократно известью очищен,
явился, наконец, Зелёный лев[4],
держа свой хвост во рту, как уробо́рос[5].

Мной создан Элевсинский эликсир[6]!
Теперь его провидческую силу
я испытать на практике готов,
предвосхитив историю в катренах.

О, Клио, покровительница – ты,
меня на волнах времени качая,
в какую бухту прошлого прибьёшь,
в какую даль грядущего причалишь?

Какую сцену мне преподнесёт
Касталии[7] пророческой источник?
Ведь никогда нельзя предугадать,
где в этот раз окажешься в виденьях…

…Кастилия. Суровый монастырь.
Семь лет прошло шестнадцатого века.
В холодной келье теплится свеча.
В углу – монах. Напротив – королева.

Часть 1

МАТЬ

Тордесильяс, 15 апреля 1507 года от Р.Х.

1. Исповедь

Святой отец, гнетут меня грехи.
Повозку с ними даже сотне мулов
не сдвинуть с места. Вдвое против них
несчастий груз. Кладбищенской плитою
сдавило грудь. Расплавленным свинцом
жжёт жилы страсть, и в прах, подобно Иову[8],
повержена Кастильи королева[9].

Примите исповедь, святой отец!

2. Предательство

Хотя пред Богом я грешна безмерно,
молить прощенья буду у него!
Неужто верите, что я – безумна?
Придворные клекочут за спиной,
как над добычей ястребы: *La loca*[10]!
La loca! Как жестока жизнь ко мне!
Безумье – в чём? Что я любила мужа?
Но это добродетель, а не грех!
Так нас обет соединил священный:
и в радости, и в горе – плоть одна

мы стали перед божьими очами.

Как я его любила! Каждый миг
я с мужем проводить была готова:
священное писание читать,
вникать в доклады о делах вест-индских,
сонетами Петрарки тешить слух,
вникать в интриги ловких царедворцев,
в алькове страстной лаской ублажать,
и развлекать изысканностью кухни.
Что мог ещё желать? Я всё дала,
что дать способна женщина мужчине:
ему детей прекрасных родила
я пятерых – им предстоит Европой
разумно и достойно управлять
и славою покрыть отцово имя!
Шестую в чреве я своём несла,
и в ней был дух его…
Как, боже правый,
он был красив!
Но предал он меня.

3. Мантикора[11]

И гнев отравленным вином разлился,
и сердце жёг мне, с жёлчью пополам…
Как мантикора, что хвостом колючим
с ужасным жалом хлещет по бокам,
так я металась в ярости бессильной,
стремясь своих соперниц истребить,
а череда бесчисленных любовниц –
от знатных дам и до портовых шлюх –
в моём уме плясала сарабанду[12],
и каждая, смеясь, кричала: «Мой!»
И запах каждой смрадным трупным ядом,
вползал мне в ноздри склизкою змеёй,
и корчилась моя душа, и кары
я призывала на его чело –
и в этой жизни, и в загробном мире…

Вернуть его! – Я всё бы отдала:
сокровища Кастильи, власть, корону
и нерождённого ребёнка жизнь…

Отец! Вы видите: грешна я в мыслях –
но много больше – делом я грешна.

Шепнули мне, что некий магрибинец
искусен в зельях – может он вернуть
любовь мужчины. Я была безумна,
воистину, когда взяла фиал
с бесовским снадобьем, когда отраву
своей рукой добавила в вино.

4. Тьма

И он уснул. Ждала преображенья
всю ночь и день. Без устали молясь,
я повторять: "*встань, спящий, и воскресни
из мёртвых, осветит тебя Христос*", –
не прекращала. Словно пеленами
свивальными опутан был мой ум,
события тех дней я вижу смутно,
как будто через тусклое стекло,
так память заново собрать не в силах
разорванную нитку ярких бус,
когда они рассыпались случайно.

Я помню свой звериный, жуткий вой,
как я вестидо[13] изодрав, ногтями
терзала плоть, оставив на груди
кровавые следы, когда белейший
каладриус[14], слетевший на постель,
тотчас же от больного отвернулся,
и лекарь окончательный вердикт
изрёк, а духовник свершил причастье,
последний вздох сорвался с милых уст,
покинула душа свою обитель…

И, наконец, мой ум объяла тьма.

5. Магрибинец

Ночами тот проклятый магрибинец

являлся мне в горячечном бреду.
Предать огню его я приказала –
злой умысел под пытками открыл:
так страшно мстил он за изгнанье мавров.

Колдун горел, как чёрный нетопырь.
Ложилась копоть жирная на губы,
но чудился прощальный поцелуй,
как будто мой король меня ласкает…
Но не вернуть любимого огнём!
И вместе с чародеем чернокнижным
должна бы адским пламенем гореть
и я. Мне благом было б наказанье.
Но нет – господь карает за грехи
не королеву, но народ несчастный.

И в Бургос осенью вошла чума.

6. Чума

Я помню сборы спешные в дорогу,
чтоб обмануть проклятую напасть
и упокоить короля в Гранаде;
тот бесконечный траурный кортеж,
курений запах вперемежку с трупным,
и бубенцов чумных зловещий звук,
и маски с клювами – как будто гарпий[15]
напала стая – трупом пировать.
Вдруг показалось, что они смеются
и рожи ведьминские корчат мне:
«*Как твоего Орфея расклевали*
мы по кусочкам! И теперь он – наш!
И только нам он будет петь вовеки:
катается со стуком голова
в гробу, вращая страшными глазами!»

Тогда я приказала отогнать
всех гарпий – впредь к нему не приближаться,
и крышку гроба спешно отворить,
чтоб я могла воочию убедиться,
что спит король. Что наконец он – мой.

“La loca!” Делать нечего – открыли.
Тогда его прекрасное лицо
в сиянии божественном явилось,
и я упала милому на грудь
и целовала мертвенные губы,
что пахли миррой, мёдом и вином.

7. Хроники

Мы под покровом ночи из ворот
Санта-Мария тронулись в Гранаду.
(И с этих пор, несчастная вдова,
своей души утратившая солнце,
дневного света избегала я,
сове подобно, двигаясь в потёмках).

Мы днём остановились отдохнуть,
а в монастырь Сан Педро де Арланца
вошли к рассвету. Там и встретил нас
его аббат, Гонзало Арредондо-
-и-Альварадо. Сей святой отец
учёностью великой отличался
по части исторических наук,
собрал немало старых манускриптов
времён Альфонсо Третьего[16] и книг
о достославных рыцарях кастильских.
Он «Хронику вестготских королей»
от Атанариха[17] и до Виттизы[18]
с прилежностью особой изучил.
Когда о них расспрашивать я стала,
с готовностью аббат поведал мне
о древнем короле вестготов Вамбе[19],
которого соперник опоил
каким-то сонным зельем, и, коварно
лишённый скипетра, король – заснул
и пролежал семь долгих лет в Памплье ге,
в монастыре, как мёртвый, недвижим,
и наконец – воскрес, но злобный Эрвиг
узнал о том и Вамбу умертвил.

8. Откровение

И с глаз как будто пелены упали!
Немедля нерождённое дитя
меня в утробе исподволь толкнуло,
заговорило голосом его:

«Я только сплю, злой волей магрибинца
упрятан в кокон, словно мотылёк.
В тебе, как в алабастровом сосуде,
семь лет душе назначено пребыть
в разлуке с телом. С оболочкой бренной
я вновь сольюсь, когда соединишь
ты обе части. Опасайся гарпий».

Я гроб велела тотчас же открыть,
ища тому знаменью подтвержденье,
и вновь увидела его лицо.
Прекрасный рот, казалось, улыбался…

Взыграло в чреве радостно дитя!

9. Странствие

Так странствие в Гранаду продолжалось.
Но наша цель на многие года
теперь отодвигалась. И по кругу
скитаться по Испании семь лет
нам предстояло – ведь не разлучаться
могли мы только находясь в пути.

Кареты пыль глотали на дорогах
просёлочных, и скорбный наш кортеж
крестьян прохожих заставлял креститься.
Мы кров найти могли в монастырях,
но приходилось высылать дозорных,
чтоб не застали гарпии врасплох
(кишели ими женские конвенты) –
тогда вставали в поле на ночлег.

Вы скажете: «А как же королевство?
Как подданными можно управлять
в карете, с монастырского подворья,
иль из таверны?» Но, святой отец,
не так ли божья воля управляет?
Ведь королевство там, где мой король!
Его хранить должна! И я молилась,
чтоб чудом плод во мне закаменел,
и крестный путь за гробом не кончался,
пока не будет выполнен завет.

10. Демоны

Но бог не внял и с гневом отвернулся.
Моих грехов невыносимый груз
сломал хребет у мула милосердья,
мои надежды обратив во прах.

…Мы подошли к деревне Торквемада.
Одно названье мне внушило страх,
напомнив о Священном Трибунале
и матери моей духовнике[20],
приведшем всю Испанию в покорность
сожженьем тысяч злых еретиков.

Здесь весть меня настигла запоздало,
что Фердинанд[21], суровый мой отец,
в Неаполе к отплытию готовит
флотилью, чтоб в Испанию прибыть
и разлучить меня с моим любимым.

…Его увидеть! Вновь открыли гроб.
Король был хладен, к ласкам неподатлив –
казалось, что отступницей клеймит,
предательством постыдным укоряет,
и умоляет стойкость проявить
его отверстый рот в беззвучном крике.

Как вдруг из гроба руку он простёр!
Благословляет или проклинает?
Рыдая, бросилась ему на грудь…
И демоны в обличье мантикоры

вошли в меня, терзая изнутри
своими ядовитыми шипами,
зубами – как толедские клинки,
когтями страсти, жгучими, как пламя.
Я в поединке том изнемогла,
на плиты пала навзничь бездыханной…

И жалом льда меня пронзила тьма.

11. Завет нарушен

От бремени пришлось мне разрешиться.
Неукротима сила бытия –
не помогли сдержать её молитвы,
и девочку[22] я всё же родила.
В мучении, в беспамятство впадая,
всё бредила. Когда ж очнулась я –
то с ужасом узнала от придворных,
что по приказу моего отца
бесценный груз отправлен был в Гранаду
прямым путём – и в склепе погребён.

Так был завет предательски нарушен.
С любимым я была разлучена
теперь *навеки*! В душу это слово
забито, словно в крышку гроба гвоздь.

12. Отец

Святой отец! Вы странно молчаливы.
Я в страшных исповедалась грехах,
достаточных, вне всякого сомненья,
чтобы меня Священный Трибунал
признал достойной самой страшной кары –
десятой части хватит, чтобы сжечь
Хуаны, дочери заблудшей, тело.

Но Вы молчите… Неужели я
не заслужила капли снисхожденья

и даже пламень судного костра
меня очистить от грехов не в силах?

Здесь так темно, и Вашего лица
не вижу я под жутким капюшоном.
Боюсь, когда откинуть наконец
его решите, предо мной предстанет
зловещий череп…
Это Вы, отец?!

Часть 2

ДОЧЬ

Синтра, 15 апреля 1555 года от Р.Х.

(перевод со старопортугальского)

1. Известие

Итак, она мертва.
С известьем скорбным
вчера в Лишбоа[23] прискакал гонец.
Я приказала траурную мессу
во всех церквях столицы отслужить
и приспустить на башнях замка Синтры[24]
штандарты португальских королей.
Безумная Кастильи королева
свой скорбный путь окончила земной.

Её душа предстанет пред Всевышним
на третий день, чтоб он её судил.
Господь есть благ и человеколюбец –
и он простит.
А я – смогу простить?

2. Безвременье

Текли неспешно в море воды Тежу[25],
в них отражались перья облаков,
как сотни лет до нашего рожденья,
как после смерти будет сотни лет.

Она всегда казалась мне бессмертной.
Сначала – близко, позже – далеко,
но неизменно – тенью за плечами.

А годы шли. Я стала забывать,
что монастырь угрюмый Санта Клара[26]
ей был могилой сорок восемь лет!
Помыслить страшно. И её забыли,
казалось, все. Как будто умерла
она в тот миг, когда в гранадском склепе
навек её надежду погребли
на встречу с мужем. В ссылку, в Тордесильяс,
в глухой доминиканский монастырь
была отправлена несчастная Хуана
своим отцом, испанским королём,
чтоб никогда Кастилией не править.
Утратив путеводную звезду,
она вступила на тропу безумья.

Я с первых дней сопровождала мать
на том пути – посмертная инфанта,
дикарка-девочка, почтительная дочь.

3. Лёд и пламень

Мне кажется, что я ещё в утробе.
Мой мир подобен огненным горам
на ледяной границе океана –
они дрожат, и лаву извергать
готовы, чтоб с шипеньем, в клубах пара
столкнуться с грудью изумрудной льда,
пролившись в море… Терра дель Фуэго
(иль Огненной Землёй) назвал её
великий дон Фернанду Маггальяниш[27],
когда искал короне южный путь.

С рожденья помню – либо мрачный холод
под монастырским сводом, либо жар
в натопленных покоях Санта Клары.
И мать со мной – то холодна, как лёд,
то кажется – до смерти зацелует.
Я помню, что все ночи напролёт
она у колыбели проводила,
стараясь детский лепет уловить,
как будто из загробного предела
вставал Филипп[28] и с нею говорил,
и звал к себе смутившуюся душу.
Я видела, как пламенем свечи
рисует ночь зловещие картины,
и я исчезнуть в кратерах ноздрей
её боялась: если втянут воздух –
я в них пушинкой лёгкой поднимусь
и пропаду навеки в тех пещерах.

Мне было шесть. Она в последний год
всё чаще приходила в возбужденье –
то целовала истово меня,
твердя, что я – любви сосуд священный
и воплощенье красоты отца,
который ждёт во мне преображенья –
то без причин впадала в дикий гнев.
Он, как лесной пожар, испепелявший
всё на пути, был неостановим,
пока вокруг огню не оставалось
малейшей пищи – буде то слуга,
посуда, фрукты, стул с резною спинкой…
Я забиралась в страхе под кровать
и там ждала, покуда буря стихнет.

4. Метаморфоза

Но время шло – и вот настал январь,
мне семь сравнялось, а метаморфоза
всё медлила.
Тогда подать свечей
велела королева – и покои
замкнула, мелом очертила круг
и странную звезду в него вписала.
Потом, расставив свечи по углам,
она слова бессвязные твердила,
раскачиваясь. Вдруг сверкнул кинжал –
раздался хруст, и капли бурой крови
с шипеньем стали корчиться в огне,
как будто танцевали саламандры.
Затем она, схватив меня рукой
за волосы, одним движеньем быстрым
кинжалом отсекла тугую прядь,
и бросила на медную жаровню.
Я онемела, вскрикнуть не могла,
меня сковал необъяснимый ужас,
как будто чёрный мерзостный паук,
опутав тело липкой паутиной,
к моим ногам беззвучно подползал,
нацелясь, чтобы высосать мне душу...
И где-то вдалеке ударил гром,
потом ещё – и двери распахнулись
вбежали слуги, с ними наш Бертран…
Мои колени тут же подломились,
и тьма накрыла угольным крылом.

5. Безумие

А королева отдалась безумью,
как будто в омут с чёрною водой
её рассудок бедный погрузился.
Она неделю к пище не могла

притронуться, и стали опасаться,
что королева скоро отойдёт
в предвечный мир. Лишь тёплого вина
она глоток порою принимала,
не покидала ложа своего,
и поменять постель не дозволяла.
Казалось, что не видела она
меня и даже верного Бертрана,
как будто взор свой обратила внутрь.
И что-то, нам неведомое, снилось
ей наяву, наверное, король
её ласкал… Но если потревожить
хотели слуги, чтоб сменить бельё
и причесать – она сопротивлялась
с таким отчаяньем, как будто в ад
её тащили крючьями стальными.

Недели шли. Направили гонца
к епископу. Сознанье королевы
блуждало в сумерках, она подчас
не принимала ни воды, ни пищи.
И, наконец, сподобился прелат
Вальядолидский утром в Тордесильяс
прибыть, дабы на месте оценить
серьёзность состоянья королевы.
Он пробыл с ней не больше двух минут,
прижав платок из тонкого батиста
рукою в кольцах к чувственным губам –
и наказал за грешную молиться.

6. Страшный Суд

Всё это время я была при ней,
и не могу сказать – по доброй воле.
Едва меня пытались удалить
из комнаты её, впитавшей запах
тяжёлый застарелых нечистот,
как вопли испускала королева
невыносимые. И в страхе за неё
пришлось меня с безумною оставить.
А я молилась ночи напролёт:
«Спаси её, Господь, от помраченья

И от неё спаси меня, Господь!»

Припоминаю, что в углу висела
одна картина тёмного письма.
Филипп, отец мой, заказал когда-то
её в Голландии для алтаря,
там Ад и Рай, и Страшный Суд Господень
доподлинно для нас изобразил
Херо́нимус из Ахена[29], художник.
Я в угол тот боялась заходить,
так было страшно видеть эти муки,
крюками разрываемую плоть,
и муравья с ужасным клювом птичьим,
сжирающего грешников живьём.
Но всё-таки неведомою силой
меня тянуло исподволь смотреть,
на муки жертв, нанизанных на вертел,
на корчи тел, сжигаемых огнём.

Однажды ночью – в ужасе безумья? –
она картину бросила в огонь,
и, пузырясь, та вспыхнула, как факел,
а мать следила, как она горит,
с каким-то странным удовлетвореньем…

Я задремала. Помню жуткий миг,
она к постели низко наклонилась,
а чёрный шёлк распущенных волос
накрыл меня – и словно сотни лапок
паучьих побежали по лицу.
Проснулась я. Свечу она держала –
как вдруг метнулась призрачная тень,
накрыла пламя тёмными крылами
и вспыхнула. Какой-то гадкий писк
раздался, и обугленное тельце
на губы мне упало. Жаркий воск
их запечатал вместе с мерзкой тварью,
прервав мой крик.
И я лишилась чувств.

7. Выздоровление

Мне помнится, что целую неделю
металась я в горячечном бреду,
вокруг меня смыкала стены келья,
и плиты раскалённые на грудь
давили, словно тяжестью могильной.
В моих виденьях чёрно-белый пёс
с горящим факелом в зубах[30] носился
по коридорам замка, и, рыча,
поджечь грозился пыльные шпалеры –
но Бог всевышний милостью хранил.
Монахи в белом[31] длинные молитвы
читали надо мной и день и ночь.
Ни на минуту мать не покидала
одра моей болезни. В забытьи
казалось мне монахов бормотанье
подземным гулом огненной реки
бурлящей лавы. Я сопротивлялась,
борясь за жизнь. И та взяла своё.
Двойное чудо: нервная горячка
обильным потом вышла из меня,
и страшное заклятье магрибинца
от пут своих освободило мать,
казалось, разум снова к ней вернулся.
Воистину – сколь славен наш Господь!
Благодаря святое провиденье,
мать поклялась, что сделает меня
достойной подражанья христианкой,
чтоб стала я грозой еретиков,
подобной королеве Изабелле[32],
которая народ свой привела
к источнику Христа во славу Божью.

Я попыталась разомкнуть уста,
Но не смогла – как будто онемела.

8. Детство

Я келью ненавидела свою.
Она была последней после спальни,
в неё нельзя попасть, минуя мать.
А та и день, и ночь от посторонних
меня оберегала, как дракон,

что в мрачном замке стережёт принцессу.
Я много дней не видела людей –
один Бертран, наш верный камердинер,
за мной ходил, да нянька из простых –
рябая и уродливая видом,
но мать, казалось, счастлива была,
что победила чары мерзких гарпий
(она повсюду видела их след
и брызгала святой водой на стены).

Мы жили бедно. Только хлеб и сыр
для нас служили повседневной пищей,
их неизменно пробовал Бертран,
поскольку мать везде искала яды
и опасалась происков двора.
Носили домотканую одежду,
какую носят слуги. В простоте
и скуке мой тянулся день: читала
мне мать Священное Писание вслух,
а я мечтала поиграть под башней
с детьми кормилицы, они всегда
резвились там – я их, как певчих пташек,
под окнами стремилась прикормить,
бросая вниз серебряную мелочь.

Когда чудесно мать превозмогла
безумья чары, то моей учёбой
вдруг озаботилась. Отобрала
десяток нужных книг в библиотеке
и для начала счётом и письмом
со мною занялась, не доверяя
занятие сие учителям.

Моим образованием духовным
заведовал таинственный монах –
отец Энрике. Белые одежды
не выносили пятнышка греха,
он мне казался ангелом жестоким,
всевидящим, карающим, святым,
что как бы появлялся ниоткуда
и столь же бестелесно исчезал.
Но счёт моим несметным прегрешеньям
он вёл исправно. Ночью у окна,
держа свечу, я видела снаружи
толпящиеся сонмища грехов,
они блестели красными глазами,

чешуйчатыми крыльями треща,
и на стекле дорожки оставляли
слюны тягучей, словно бы прося:
впусти, в тебе мы верою послужим!
Я их ловила в дымчатый бокал,
а перед сном, дрожа от омерзенья,
жгла на свече, за крылышки держа.
Они пищали тонко, извиваясь,
и мёртвая горела голова
на каждом тельце, в пепел обращая
мои грехи. Но не было конца
ни им, ни заключению в конвенте.

9. Похищение

Так десять лет мне минуло. Но вот
в одно мгновенье жизнь переменилась.
Вдруг прибыли мои сестра и брат,
я никогда не видела их прежде.
Но больше я была поражена
самим явленьем – никогда доселе
роскошней я не видела одежд:
кирасы золото, шитьё и перья…
Шуршанье шёлка, мягкий скрип сапог,
алмазный блеск подвесок драгоценных,
и запах кожи, мускуса, духов,
соединились в образе едином:
передо мною вдруг предстала власть
во всём сиянье и великолепье.
В парадном облаченье вышла мать,
я в первый раз в одеждах королевских
увидела её. Поражена
она была – как выглядели дети,
которых ей с рожденья лицезреть
не довелось. Все, словно состязаясь
в учтивости, старались соблюдать
придворный этикет и комплименты
друг другу расточали, не скупясь.
Тогда силён был флёр очарованья
(я только позже стала понимать,
что брат мой Карл[33] приехал за наследством:
в борьбе за императорский престол

ему изрядной суммы не хватало
на подкуп кардиналов. Голоса
курфюрстов тоже стоили немало,
за них мой братец был готов отдать
свою сестру к сокровищам в придачу!)
Но я в то время видела его
лишь королём в сияющих доспехах.

Мой брат, как видно, очень огорчён
остался тем, что в деле воспитанья
пробелы оставались у меня
серьёзные: был кроме благочестья
необходим придворный этикет –
я представлялась важною фигурой
на европейской шахматной доске
в Европе новой в роли королевы
мне предстояло партию играть.

Но мать категорически отвергла
все предложенья брата, чтобы я
отправилась продолжить обученье
к его двору.
Тогда составил план
побега он. Бертран, наш камердинер,
в моих покоях стену разобрал
от матери тайком и поздней ночью
меня доставил прямо в экипаж.
Тут, наконец, уста мои раскрылись.
«Я покоряюсь воле короля», –
вот первые слова, что я сказала
в карете на пути в Вальядолид.

Однако счастью выпал срок недолгий –
узнав о бегстве, снова стала мать
безумною: не принимала пищу
и оглашала криками конвент –
мой брат почёл тогда за благо сдаться,
иначе мать грозилась умереть.
Меня вернули спешно в Тордесильяс,
однако впредь король постановил,
что лучшие займутся педагоги
моей учёбой, чтобы при дворе
могла блистать я в роли королевы.

Но восемь лет мне предстояло ждать,
пока смогла совсем освободиться,

покинуть тот проклятый монастырь,
покинуть мать, что стала ненавистной.

Часть 3

КОРОЛЕВА

(перевод со старопортугальского)

1. Золотой век

…И вот я в Синтре. Тридцать лет прошло.
Та девочка, инфанта Каталина,
давно мертва. Вся власть – в моих руках:
король недавно регентство назначил –
пока не повзрослеет Себаштьян,
мой внук, я королевством буду править.
Король устал и отошёл от дел.
Я Португалии великой королева!

Империя сильна, как никогда.
Стабильна португальская корона.
С испанскою сестрой своей она
весь Новый свет на карте поделила[34].
В стране царят согласье и покой,
король венчает пирамиду власти.
Народ спокоен, любит короля,
крестьяне сеют, доны управляют.

Святая инквизиция[35] стоит

оплотом крепкой веры и сурово
карает затаившихся врагов –
и лютеран, и скрытых иудеев;
искореняет ересь и порок
огнём спасительным. Святая церковь
пасёт стада своих послушных чад
и с радостью Христос на них взирает –
стране назначил он особый путь:
единой веры быть духовной скрепой.

В стране крамола искоренена:
давно смутьяны рот открыть не смеют,
поэт опальный Луиж де Камойнш[36]
отправлен в Гоа[37] рядовым матросом
по милости особой короля,
беспутным балаганом Жил Висенте[38]
не отравляет шаткие умы,
преграду подрывной литературе
поставил Индекс запрещённых книг[39]
и надзирают стражи за порядком.

В казну текут доходы, в деле том
немало помогают иудеи,
когда у них Священный Трибунал
мошны освобождает от крузадо.
Обширное строительство идёт:
в столице, Порту, Синтре и Коимбре
растут дворцы, дома, монастыри.
Сокровищница полнится камнями
из Индии. Придворный ювелир
Диогу Ваз мне преподнёс в подарок
колье из Гоа, диаманты в нём
(четыреста!) – как ангельские слёзы…
Подвеска из Кочина[40] – жемчугов
два по четыре, столько же – рубинов,
семь изумрудов… И не перечесть
иных сокровищ – с запада, востока
и юга нескончаемой рекой
они текут; в Кунсткамере коллекций
столь много, что потребует тома
диковин тех чудесных описанье.

Толпятся в устье Тежу корабли,
везут в Лишбоа золото колоний,
бразильских изумрудов ценный груз,
тюки душистых пряностей с Востока;

живой товар из Африки: рабов[41],
диковинных зверей и птиц заморских
в порту встречает Торре-ди-Белем[42].

И снова раздвигают каравеллы
пределы обитаемой земли.
Прославив португальскую корону;
отряды наших братьев во Христе
язычникам несут святую веру:
Господни псы – Лойола[43] и Хавьер[44]
неутомимо собирают души:
так Слово Божье – Библия и меч
к ногам склоняют новые народы.

Я победила.
Но какой ценой?

2. Костры

Любовь и трон – две вещи несовместных,
к тому же мать урок преподала –
как от любви недолго до безумья.
Однако мне замужество моё
счастливым представлялось поначалу –
на европейской шахматной доске
удачной, без сомненья, рокировкой.
Жоан[45] был просвещённым королём
и набожным католиком при этом,
к тому же он был недурён собой
(а может быть вначале так казалось?)

Я вскоре понесла. Хоть не дал Бог
мне первенца Афонсу[46] слышать лепет,
но год прошёл – Мария[47] родилась.
Я материнству отдалась всецело,
не замечая, что подспудно зрел
коварный заговор *конверсо*[48] – иудеев,
притворно обращённых ко Христу,
на деле мерзостно вершивших шабаш,
младенцев христианских пивших кровь
и подрывавших колдовством устои.
Был поначалу милостив король,

но доброта его не окупилась.
Не вняли разуму еретики –
и божий гнев обрушился на город.
Земля разверзлась, и Левиафан[49]
из моря вышел – он десятки тысяч
пожрал, а после довершил огонь,
то, что вода закончить не сумела.
И вот – в развалинах Лишбоа треть,
в руины превращен дворец Рибейро,
стенанья, крики, мечется толпа…
Укрылись мы каким-то чудом в Синтре,
но не успели мёртвых посчитать,
как начались на улицах погромы:
искали иудеев – и нашли.

Мне вспомнилась старинная картина,
которую сожгла когда-то мать –
на ней художник Страшного Суда
похожие изобразил мученья,
каким подвергла иудеев чернь.
Везде костры десятками пылали,
в них корчились сжигаемых тела –
о, как несчастные в огне кричали!
Но крови новой жаждала толпа…
Пришлось войсками наводить порядок.

Я убедила короля ввести
Святую Инквизицию, как меру
необходимую для здравия страны.
Отец Энрике мне служил опорой,
доминиканский орден – образцом.
Достойной королевы Изабеллы
на том пути я видела себя,
с тех пор огнём, не знающим пощады,
я жгла крамолу, ересь и мятеж.

Не ропщет более народ покорный,
теперь послушен воле королей…
Но запах дыма чудится мне всюду
и видится бегущий чёрный пёс,
осатанелый, с факелом, горящим,
чтоб им зажечь невиданный костёр
из тел людских.
И каждую неделю
в столице злостных жгут еретиков,
а на трибунах площади Рибейра

их осмеянью подвергает чернь,
бросая припасённые каменья.

Они всегда готовы доносить
на ближних, лишь бы в выгоде остаться,
как этот Пабло, кажется, Мориск,
когда отца он выдал Трибуналу.
Продажны все. Посол Диогу Паз
героем был, монархом был обласкан,
но папе клеветал на короля
за деньги недожжённых иудеев,
которым папа дорого продать
всегда готов благоволенье Рима.

И сколь ни возвышай, сколь ни корми
с руки монаршей – вечно будут чернью,
в шелках и бархате, рогоже и тряпье,
неблагодарные, кусающие руку…
И тащат, тащат, тащат из казны,
как орды обнаглевших крыс голодных.

3. Плата

Каков народ – таков с ним государь.
Его суровость – горькое лекарство,
но без него державный организм
погрязнет в скверне, гное, нечистотах,

и, жалобно стеня, испустит дух.
И как же мне прикажете бороться
с неистребимым внутренним врагом –
марранами[50] на службе иудеев,
когда снаружи мы окружены
кольцом из недругов, в бессильной злобе
стремящихся торговлю подорвать
и задушить снабжение колоний,
во всяком обвинить убийстве нас,
кинжалом ли убийца или ядом
воспользовался, будто мы одни
своих врагов негласно устраняем?
Вот Франция – не любит наш успех,

вот Англия – везде препоны ставит,
да и Кастилья, добрая сестра,
всегда стилетом в спину ткнуть готова…
И я должна за всё платить, платить –
агентам, донам, черни, даже папе!
чтоб как часы работал механизм,
который называют государством.

Казалось часто, что оставил Бог
меня своим чудесным попеченьем,
что отвернулся за мои грехи,
забрав детей – их было шесть! – и двое
могли ещё империи служить,
упрочив Габсбургов позиции в Европе.

Но – нет! Детей Ты отнял у меня!
Я не ропщу, на всё Господня воля,
но как жестоко Ты призвал отца
за дважды девять суток до рожденья
последнего из рода королей
Ависских[51]! Он единственной надеждой
остался у меня, мой Себаштьян…

Прости, не отними его, прошу я!

4. Пророчество

В моей шкатулке яшмовой лежит
пергамент с непонятным предсказаньем.
Однажды некий доктор Нострдам[52]
его мне преподнёс, когда нуждалась
Мария Мануэла, дочь моя,
в услугах лекаря: казалось, неспособна
она была наследника зачать,
и навлекла тем самым гнев Филиппа.
Тогда сей врач, де Нострдам, был зван –
о нём ходила слава, что искусен
он в разных зельях, что изгнал чуму
в Провансе (в благодарность горожане
пожаловали пенсией его
пожизненной – и впредь он не нуждался).
За ним послали – тайно прибыл он,

но отказался мне помочь вначале,
сказав, что непомерная цена
тому лекарству, и готов не всякий.
Я обещала щедро заплатить –
всё, что угодно – сколько ни запросит.
Тогда он зелье в яшмовом ларце
мне передал, а с ним лежал пергамент,
и попросил в уплату лишь кольцо
с печаткой королевской да расходы
дорожные покрыть – и ускакал.
Мария вскоре понесла – о, чудо! –
и сына Карлоса[53] Филиппу[54] родила,
но на четвёртый день скончалась в муках –
не в силах были кровь остановить.
Инфант испанский странный был ребёнок:
душой и телом – воплощенье зла.
Так цену, что спросил де Нострдам
пришлось платить, однако было поздно.

Тогда пророчество не поняла –
туманное, вот что оно гласило:

Вскормлённый псами, жёлтый лев падёт,
пронзённый полумесяцем. Корону
глупец отдаст на поле трёх царей,
без погребенья сгинув. Не в сраженье
получит львиный замок пять щитов,
но не увидит королева руку,
что пишет мене, текел, упарсин[55]*.*

С него я приказала сделать список
и нарочным отправила в Ажен,
где проживает, мудростью известный,
астролог и учёный Скалигер[56],
которому давно я заказала
для внука Себаштьяна гороскоп –
но больше года не было известий.

5. Толкование

И вот вчера гонец привёз письмо.
Его прочесть никак я не решаюсь,
как будто в нём опасности таят
простые буквы... Полно, что за вздор!
Что пишет нам сей старец убелённый?

«…нижайше… благосклонность…не посмел…»
а, наконец: *«… я все перепроверил*
расчёты вновь и вновь, который раз –
и убедился, что не лгут планеты,
и манускрипт мне это подтвердил».

…Итак: *«Рождённый в знаке Козерога…*
…инфант упорен, истов и упрям…
…тогда его ничто не остановит…
…живёт в мечтах, не связанных с Землёй…
…Луна во Льве, Юпитер в оппозите…
…квадрат к Сатурну, Чёрная луна[57] *…»*

Да, вот оно – зловещее знаменье:
«…Уран, дом смерти, поражённый Марс:
Он может пасть бесславно на чужбине
два раза цикл Юпитера свершив».

Ещё приписка: *«…Этот манускрипт*
с пророчеством, что Вы с гонцом прислали –
узнал я руку. Доктор Нострдам
был лучший ученик мой. Но науку
он безрассудно с магией смешал
и продал душу дьяволу. С позором
он изгнан был из дома моего.
Я слышал, будто рукопись «Пророчеств»[58]
готов издать он в нынешнем году
в гордыне обладанья высшим знаньем.
В ней, говорят, получат короли
свод предсказаний до скончанья мира…
Но не поймут! Из них достался Вам
один катрен пророчеств Нострдама.
Позвольте мне его истолковать:

«Вскормлённый псами» – он про «псов Господних»,
иезуитов[59]*, «жёлтый лев» – инфант,*
рождённый рыжим. В битве безрассудной
за морем сгинет, маврами сражён[60]*,*
тогда Ависский род на нём прервётся.
Так Португалии закатится звезда[61]

и пять её щитов Кастильский замок
над львиными воротами[62] *прибьёт,*
что значит: век империи сосчитан,
а жребий взвешен – быть разделена.
Но королеву этот жребий ми́нет –
и с миром упокоится она».

Изыди прочь, могильное виденье!
Проклятый старец выжил из ума –
пророчествовать гибель Себаштьяну
и крах империи невольно призывать –
как смеет он! Когда б не жил в Ажене,
а португальским подданным он был –
то сей же час Священным Трибуналом
допрошен был бы, а потом сожжён,
как еретик и злостный чернокнижник…
Но – полно, полно – что за глупый гнев?
Стабильна португальская держава,
мой Себаштьян совсем ещё дитя,
его от бед и всяких треволнений
смогу своею властью оградить –
лишь Господу известно достоверно,
что будет двадцать лет спустя.

Эпилог

(перевод со старопортугальского)

Мне снится сон – как будто я, инфанта,
спускаюсь с башни на зелёный луг.
Росою холодит ступни босые,
повсюду маков красные цветы –
я наклоняюсь к одному – и вижу
огромной чёрной бабочки глаза.
Мгновенье – и с цветка она вспорхнула
и полетела прочь: ведёт меня
на склон холма, где высится руиной
какой-то дом. Я на холме одна.
Иду к нему – шаги мои беззвучны.
Вхожу под своды. Бабочка ведёт
меня наверх. Чердачные ступени.
Косые тени. Предвечерний свет

сочится сквозь прорехи в старой крыше.
Я вижу, как сгущается в углу
густой туман в подобие фигуры.
Я не хочу идти! Но властный зов
меня туда влечёт, слабеют ноги.
Густеет воздух и толкает в грудь,
я приближаюсь медленно, с опаской,
и вижу – кокон в чёрных пеленах,
как мумия, сгоревшими бинтами
обвитый, под стропилами повис,
шевелится от бабочек могильных.
Я, запрокинув голову, гляжу
на место, где у мумии под пеплом
зияет рот, и жирный мотылёк
внезапно из провала выползает…
И мумии закрытые глаза,
как угли вспыхнув, мне пронзают душу.
Тогда я понимаю – это мать,
она меня нашла! И в это время
вдруг оживает кокон – и летят
в лицо мне сотни бабочек зловещих,
и осыпают пепельной пыльцой
с махровых крыл, рубиновые точки
кишат во тьме. У трупа в голове
на месте глаз остались только искры,
они, крутясь, сливаются в одну –
она взлетает и пронзает крышу,
уходит в небо, прямо в темноту.

Я чувствую: она теперь пред Богом…
Я знаю, Он простил.
Смогу простить
и я мою безумную Хуану.

Господь, кто положил нам почитать
отца и мать – помилуй мать мою,
прости грехи ей и вознагради
за все труды, а мне позволь узреть
в блаженстве света вечного её
через Христа, что наш Господь.

Аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Пневма – термин древнегреческой медицины и философии (греч. «дыхание, дуновение, дух»). Описывается получение этилена из этилового спирта (хлебное вино) и серной кислоты (купоросное масло). Этилен обладает галлюциногенными свойствами. Некоторые исследователи считают, что он входил в состав испарений подземных источников в Дельфах, под действием которых пророчествовали пифии.
2 Пифон – в древнегреческой мифологии змей, охранявший вход в Дельфийский оракул. По его имени была названа Пифия.
3 Сивилла – прорицательница, жрица Дельфийского оракула, пифия.
4 Зелёный Лев, пожирающий солнце – один из главных алхимических символов. Одна из трактовок – растительный хлорофилл. Описан процесс получения растительного основного алкалоида опиума – морфина.
5 Уроборос - свернувшийся в кольцо змей или дракон, кусающий себя за хвост. Является одним из древнейших религиозных и алхимических символов. В данном случае подразумевается бензольное кольцо в формуле морфина.
6 Имеется в виду *кикеон* – напиток, предположительно из ячменя и мяты, пившийся участниками Элевсинских мистерий перед началом ритуала посвящения. Существует предположение, что в состав кикеона входили психотропные вещества, благодаря которым посвящавшиеся достигали состояния измененного сознания.
7 Кастальский источник почитался как священный ключ бога Аполлона и муз, дарующий вдохновение поэтам и музыкантам. Кастальский ключ использовался для совершения ритуальных омовений паломниками при посещении Дельф, а также пифией перед началом её прорицаний. 8 Библейский праведник, герой третьей книги Библии, трактующей проблему страдания праведного
9 Хуана I Безумная, королева Кастилии (1479–1555)
10 Безумная (исп.)
11 В средневековом европейском бестиарии фантастическое чудовище с телом красного льва, головой человека и хвостом скорпиона, заканчивающимся шипами, яд которых убивает мгновенно. Имеет рыжую гриву, три ряда зубов и голубые глаза; охотится на людей
12 Быстрый испанский народный танец XVI в.
13 Испанское женское платье XVI в. с очень пышными рукавами и широкой юбкой
14 В средневековом европейском бестиарии – белоснежная птица с лебединой шеей, вестник смерти. Обладает даром предсказания. Считается, что *каладриус* отказывается даже смотреть на пациентов, которые не имеют шанса выжить
15 Гарпия – мифическое существо, дикая полуженщина-полуптица отвратительного вида с крыльями и лапами грифа, с длинными острыми когтями, но с головой и женской грудью. В средневековье гарпии ассоциировались с жадностью, ненасытностью и нечистоплотностью
16 Альфонсо Третий (Великий) — король Астурии, правил в 866–910 гг.
17 Атанарих – первый вождь вестготов, правил в 363–381 гг.
18 Виттиза (Витица) – последний король вестготов, правил в 698–710 гг.

19 Вамба – король вестготов, правил в 672–680 гг.
20 Имеется в виду духовник королевы Изабеллы Кастильской Томас де Торквемада (1420– 1498), основатель испанской инквизиции, первый Великий Инквизитор
21 Фердинанд – Фердинанд (Фернандо) II Арагонский, Фердинанд Католик (1452–1516), король Кастилии, Арагона, Сицилии и Неаполя. Супруг и соправитель королевы Изабеллы Кастильской
22 Инфанта Каталина (Екатерина Австрийская) (1507–1578), королева Португалии
23 Лиссабон (в португальской транскрипции)
24 Летняя резиденция португальских королей
25 Тахо, главная река Португалии, на которой стоит Лиссабон
26 Монастырь Санта Клара в Тордеси́льяс, место ссылки королевы Хуаны
27 Фернан Магеллан (в португальской транскрипции)
28 Филипп I Красивый (1478–1506), король Кастилии, муж Хуаны I Безумной
29 Художник Ерун Антонисон ван Акен, более известный как Иероним Босх (1450? –1516)
30 Первоначально – герб ордена доминиканцев, позже изображение пса с горящим факелом использовано в гербе иезуитов и португальской инквизиции
31 Белый – цвет ордена доминиканцев
32 Королева Изабелла Кастильская (1451–1504)
33 Карл V Габсбург, король Кастилии и Арагона, позже – Император Священной Римской Империи (1500–1558)
34 Соглашение между Испанией и Португалией о разделе сфер влияния в мире по Тордеси́льясскому договору (1494)
35 Португальская инквизиция учреждена в 1536 г.
36 Луиш де Камоэнс (1524–1570), великий португальский поэт
37 Столица Португальской Индии с 1510 г.
38 Португальский поэт и драматург (1470–1536)
39 «Индекс запрещённых книг» (лат. Index Librorum Prohibitorum) — список публикаций, которые были запрещены к чтению Римско-католической церковью под угрозой отлучения
40 Первая португальская фраттория в Индии (осн. 1502), место смерти Васко да Гамы
41 В XV в. работорговля в Португалии достигла пика. Доля рабов в населении Лиссабона достигала 10%, африканские рабы также направлялись для работ в колонии, преимущественно в Бразилию
42 «Вавилонская» Башня в Лиссабоне (построена в 1515–1521 гг.)
43 Игнасио де Лойола (1491 – 1556), католический святой, основатель ордена Иезуитов
44 Франциск Ксаверий (Франсиск Хавьер) (1506 –1552) – католический святой, миссионер, один из основателей ордена Иезуитов
45 Жуан III Благочестивый (1502–1557), король Португалии
46 Инфант Афонсу, первенец Жуана III и Екатерины Австрийской, умер в младенчестве (1526)
47 Мария Мануэла (1527–1545), дочь Жуана III и Екатерины Австрийской, первая жена короля Испании Филиппа II
48 Обращенные в католичество в XIV– XV вв. евреи и мусульмане в Испании и Португалии
49 Морское чудовище, упоминаемое в Ветхом Завете

50 евреи – жертвы крещения насильственного в Испании и Португалии (конец 14 в.–15 в.) и их потомки, втайне сохранявшие верность иудаизму
51 Себастьян I Желанный (1554–1578)— король Португалии из Ависской династии, внук Екатерины Австрийской
52 Мишель де Нострдам, известный также как Нострадамус (1503–1566) – французский астролог, врач, фармацевт и алхимик, знаменитый своими пророчествами
53 Дон Карлос, принц Астурийский (1545–1568, Мадрид) –наследник испанского престола, сын короля Испании Филиппа II и его первой жены Марии Португальской. Ввиду психической неуравновешенности принц был заключён в тюрьму собственным отцом в начале 1568 года, где оставался в течение следующих шести месяцев вплоть до своей смерти
54 Филипп II (1527–1598) — король Испании из династии Габсбургов
55 Согласно ветхозаветной Книге пророка Даниила, слова, начертанные на стене таинствен-ной рукой во время пира вавилонского царя Валтасара незадолго до падения Вавилона
56 Жюль Сеза́р Скалиге́р (1484–1558) – итало-французский гуманист: философ, филолог, естествоиспытатель, врач, астролог, поэт
57 Астрологические термины в натальной карте
58 Первое издание «Пророчеств магистра Мишеля Нострадамуса», позже названных «Центуриями», вышло в Лионе в 1555 году
59 Инфант Себастьян был воспитан иезуитами. Известно, что всю свою короткую жизнь он провел в воображаемом мире, где представлял себя наследником крестоносцев и паладином Иисуса Христа, призванным освободить Землю от «неверных»
60 В 1574 году король Себастьян I предпринял экспедицию в Марокко, где безуспешно боролся с маврами. На Поле трёх королей близ Эль-Ксар-эль-Кебире войско Себастьяна было наголову разбито, сам король, вероятно, погиб, но тело его не было найдено
61 В результате гибели Себастьяна I, испанская армия практически без борьбы заняла всю страну, и кортесы провозгласили Филиппа II португальским королём. Португалия на 60 лет превратилась в провинцию Испании
62 Лев – герб Арагона, Замок – герб Кастилии

© Copyright: Валентин Емелин , 2017 – 2019

Валентин Емелин. "Безумная (LA LOCA)"

Автор: Новые стихи
23.05.2019 12:02